

УДК 81'42:82-31Орлов

DOI 10.37972/chgpu.2023.119.2.002

А. И. Дзюбенко

**ПРОСТРАНСТВО ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. В. ОРЛОВА «АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ»)**

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению пространства возможных миров в художественном тексте с позиций лингвосемиотического анализа. Рассмотрение формирования возможных миров в художественном тексте в терминологии референциальности высказывания дает возможность автору сделать вывод о перспективности изучения экстенционала и интенционала художественного текста в отношении его содержания и смысла, что позволяет описывать возможные миры с позиций экстенциональных элементов мира и их интенциональных функций. В статье доказано, что пространство возможных миров – это не только пространственные координаты действия, событий художественного текста, но и пространство авторской интенциональности, реализующее художественный вымысел. Лингвосемиотическое функционирование возможных миров мыслится автором статьи двойственным образом – с позиций автора и читателя. В процессе исследования выявлено, что в тексте романа В. Орлова «Альтист Данилов» основной функцией маркеров художественного пространства является соотнесение возможных миров с художественной реальностью, по своим семиотическим признакам близкой к советской действительности 1970-х гг., и с фантастическим миром, который дифференцируется от этой условной реальности, но свободно проникает в нее. Определено, что пространственные координаты маркированы в художественном тексте на лексическо-грамматическом и синтаксическом уровнях; для зоны авторской интенциональности свойственен более широкий репертуар средств, применяемых для создания художественного пространства, включая активное воздействие на эмоции читателя, а также использование его фоновых знаний, культурного и обыденного опыта.

Ключевые слова: *художественный текст, лингвосемиотический аспект, художественное пространство, возможные миры, экстенционал, интенциональность, художественный вымысел, «Альтист Данилов», В. В. Орлов*

А. И. Dzyubenko

**THE SPACE OF THINKABLE WORLDS IN A LITERARY TEXT:
LINGUISTIC AND SEMIOTIC ASPECT
(BASED ON THE NOVEL BY V. V. ORLOV “VIOLIST DANILOV”)**

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the space of thinkable worlds in a literary text from the standpoint of linguistic and semiotic analysis. Consideration of the formation of thinkable worlds in a literary text in terms of the referentiality of an utterance allows the author to conclude that it is promising to study the extension and intension of a literary text in relation to its content and its meaning, which makes it possible to describe thinkable worlds from the standpoint of the extensional elements of the world and their intensional functions. The article proves that the space of thinkable worlds is not only the spatial coordinates of the action, events of a literary text, but also the space of the author's intentionality, which realizes fiction. The linguistic and semiotic functioning of thinkable worlds is thought by the author of the article as dual – from the positions of the author and the reader. The study revealed that in the text of V. Orlov's novel “Violist Danilov” the main function of markers of artistic space is the correlation

of possible worlds with literary reality, in its semiotic features close to the Soviet reality of the 1970s, and with a fantastic world that is differentiated from this conditional reality, but freely penetrates into it. It is determined that spatial coordinates are marked in a literary text at the lexical-grammatical and syntactic levels; the zone of authorial intentionality is characterized by a wider repertoire of means used to create an artistic space, including active influence on the reader's emotions, as well as the use of his background knowledge, cultural and everyday experience.

Keywords: *literary text, linguistic and semiotic aspect, artistic space, thinkable worlds, extension, intentionality, fiction, "Violist Danilov", V. V. Orlov*

Введение. Понятие «возможные миры» приобретает популярность в различных областях научных гуманитарных исследований в контексте усиливающегося внимания к процессу познания, его динамике и характеристикам. Взаимодействие человека и окружающего его мира естественно, так как органы чувств предоставляют сознанию различные сведения о действительности, позволяя структурировать образ реальности, а успешность адаптации личности к окружающему миру выступает в этом случае критерием адекватности этого образа. Л. Фестингер выдвигает концепцию когнитивного диссонанса, вызванного столкновением противоречащих друг другу знаний об объекте или событии, следствием которого является дискомфорт субъекта познания. Устранение когнитивного диссонанса позволяет изменить социальные установки или реконструировать знания об объекте или событии, что, в конечном счете, восстанавливает согласованность элементов когнитивной системы [22, с. 15–52]. По Л. Фестингеру, сфера изучения когнитивной деятельности личности включает содержание познания (представления индивида о социокультурном контексте, его самооценку и пр.) и его форму (структуру когнитивного поля, когнитивный баланс или диссонанс) [22, с. 55].

Человек интерпретирует действительность посредством конструкторов, что, в конечном счете, дает ему возможность наделять факты смыслом, контролировать поведение с целью изучения реальности, составлять определенные прогнозы действий и событий. Дж. Келли отмечает, что классификация и интерпретация фактов реальности – это начальный этап когнитивной деятельности личности [11], который получает актуализацию в языке.

Правомерно утверждение Ж. Фоконье о языке как об объекте интерпретации в рамках реального или воображаемого миров, контекста, конкретной ситуации, а также как о механизме их конструирования: с помощью языка создаются ментальные пространства, обозначаются условия отношений этих пространств, а также их компонентов. Поэтому и успешность коммуникации обусловлена степенью схожести конструкторов, имеющих в распоряжении собеседников, – не только дискурсивных элементов, но и экстралингвистических факторов (фоновых знаний, доступных схем и моделей, прагматической информации, ожиданий и т. д.) [19, с. 137–138]. Очевидно, что между языком и миром нет прямой связи, которая была бы опосредована мышлением: в сущности, действительность – это не только сами события и предметы, эмпирически верифицируемые, но и мысленное представление говорящего о действительности [19, с. 138]. Эта ментальная репрезентация воплощается, в том числе, в текстах, отношения которых с действительностью могут быть параметрированы в терминологическом поле реальности и условности. Текст и действительность мыслятся как две реальности в их онтологической специфике, что обуславливает правомерность изучения текста, прежде всего художественного, как особой условной реальности.

Цель исследования состоит в выявлении и описании с позиций лингвосемиотики разноуровневых маркеров художественного пространства, представляющих собой конституенты возможных миров художественного текста.

Актуальность исследуемой проблемы. В процессе формирования представлений личности о мире определяются ментальная репрезентация действительности (концептуальная картина мира) и языковая модель действительности (языковая картина мира). Термин «картина мира» позволяет описать мировосприятие большинства представителей социо- и лингвокультурного коллектива [4], [18], [21], однако этот термин не вполне уместен в отношении изучения художественного текста, так как с позиций моделирования в нем условной реальности читатель имеет дело именно с возможным миром, вербализуемым на основании авторского понимания действительности и применяемых к ней мыслительных конструктов, иными словами, это, скорее, «модель мира» [20], [24].

Концептуальная картина мира трактуется как совокупность полученных в результате познания мира представлений личности, фиксируемых концептами, под языковой картиной мира понимают средство вербализации концептуальной картины мира, когда «концепт <...> воплощается в языковом знаке в виде семантики этого знака, получая при этом имя» [13, с. 204]. Когда речь идет о концептуальной картине мира, имеются в виду не сами объекты действительности, а представления о них, которые в процессе вербализации получают наглядную репрезентацию посредством языка. Поэтому логично понимать языковую картину мира как опосредованное отображение действительности с определенной долей условности [1], и такая условность, по всей видимости, возникает уже на стадии концептуализации. Проблематика объективности языковой картины мира является следствием влияния на лингвистику естественных наук, в частности, физики, которая в период становления квантовой механики задается вопросом об объективности познания в целом: так, Н. Бор приходит к выводу о том, что, «изучая микромир, человек неизбежно меняет его» [8, с. 74], причем это свойственно для любого объекта познания, так как невозможно отделить объект наблюдения и наблюдателя, человеческий опыт конечен, тогда как объекты познания бесконечны [15], само познание зависит как от предшествующего опыта индивида [7, с. 6], так и от тех условий, в которых производится наблюдение [1], а также от личностных особенностей наблюдателя и его знаний [6, с. 189].

Современная лингвистика проявляет определенный интерес к изучению возможных миров [9], а также пропозиций [5], оказывающих влияние на формирование представлений о таких мирах [29]. Кроме того, художественный текст изучается с позиций моделирования в нем особого ирреального образа мира, определяемого функционированием категории возможного [3], [30], [31]. Уже в 1970-е годы Л. Долежел, анализируя художественные тексты, рассуждает о семантике возможных миров, выделяя тексты, отображающие мир, и тексты, которые создают мир [см.: 28]. К последним может быть отнесен, прежде всего, художественный текст: в таком тексте создан новый мир, организованный на основе функционирования категории возможного, а произведение искусства – это «гетерокосмос», иными словами, другой, сотворенный мир [3], поэтому художественный текст не является вымыслом в отношении окружающей действительности: напротив, такой текст представляет собой результат моделирования автором принципиально новой реальности. Изучая художественный текст с позиций когнитивного и лингвосомиотического подходов, наука о языке стремится выявить новые аспекты в самой структуре художественного текста и его системной иерархичности, а также определить механизмы семиозиса в художественном тексте, описывая характеристики процесса моделирования в нем возможных миров [14], [25]. Актуальность исследования заключается в необходимости выявления и описания лингвистических механизмов, которые позволяют автору художественного текста осуществлять моделирование возможных миров в художественном тексте, а также в потребности выяснения специфики семиозиса в процессе продуцирования художественного вымысла как фундаментальной категории любого художественного текста.

Материал и методы исследования. Материалом исследования выступает текст романа В. Орлова «Альтист Данилов» (первая публикация – 1980 г.) [16], в котором методом сплошной выборки определены контексты, репрезентирующие лингвосомиотические особенности реализации пространственных координат. Методы исследования составляют единый комплекс, в котором приоритетны индуктивно-дедуктивный метод, метод сравнения и сопоставления, семантический анализ, филологическая интерпретация.

Результаты исследования и их обсуждение. Актуализация в художественном тексте категории возможного позволяет говорить о противопоставлении соответствующего ей модуса модусам действительного и необходимого, и именно такая основополагающая оппозиция выводит адресата за пределы реальности. Возможные миры, конструируемые в художественном тексте, несводимы к реальной действительности: «Возможное принадлежит иной модальности, чем действительное, поэтому по определению включает в себя неполную или необязательную реализуемость» [27, с. 33]. Анализ художественного текста, проводимый с позиций лингвосомиотики и семантики, придает дополнительную эвристичность изучению различных характеристик возможных миров в художественном тексте, прежде всего художественного пространства.

Типы пространства коррелируют, по мысли К. А. Переверзева, с онтологическими объектами: таковы возможные ситуации и миры, события и факты; все они – итог «языковой концептуализации экстралингвистических, объективно существующих в физической или воображаемой реальности пространств» [17, с. 266]. Художественный текст, структурирование которого изоморфно реальной действительности, характеризуется наличием собственного пространства и времени и располагает различными средствами для создания пространственно-временных координат, при этом художественное пространство становится зачастую доминирующим для осуществления корректной рецептивно-интерпретативной деятельности адресата: автор пользуется более широкими возможностями (в сравнении с когнитивным потенциалом художественного времени) для описания пространства возможных миров, опираясь на фоновые знания читателя, его духовный и обыденный опыт.

В художественном тексте автор создает особый возможный мир, в котором актуализированы «эстетические артефакты, создаваемые, сохраняемые и распространяемые посредством художественных текстов» [28, р. 16]. Пространство возможных миров с такой точки зрения предстает не только как пространственные координаты, в которых протекает действие, совершаются события художественного текста, но и как пространство авторской интенциональности, благодаря которому формируется художественный вымысел. Мы согласны с В. Ю. Клейменовой, которая указывает на сходство вымысла и воображения как видов деятельности сознания, определяющих отражение действительности, при этом художественный вымысел представляет собой продукт воображения, результат сложной мыслительной деятельности по осмыслению и воссозданию действительности, когда «творческое сознание порождает новое знание на основе селекции, комбинации и синтеза уже известного» [12, с. 95].

Теория возможных миров, продуцируемых автором, перспективна в выяснении характеристик референциальности текстово-дискурсивного пространства: «нарративный мир заимствует готовые комплексы свойств в качестве *индивидов* (с учетом обозначаемых поправок) у мира «реального», который для читателя остается *миром референции*» [26, с. 379]. Отметим в этой связи, что референциальность художественного текста может быть непротиворечиво описана в терминах аналитической философии Г. Фреге – на основе изучения экстенционала и интенционала выражения [см.: 23]. Совокупность признаков объекта, осмысленных как содержание понятия, квалифицируется как интенционал, под экстенционалом традиционно понимают именуемое языковой единицей множество

объектов [10]. Проецирование этих терминов на художественный текст позволяет говорить об экстенсionale как об области содержания, а об интенсionale – как о его смысле, поэтому возможные миры в художественном тексте характеризуются с позиций экстенсionalных элементов мира и их интенсionalных функций.

Экстенсionalы квалифицируются в соответствии с теми элементами художественного мира, которые определяют его системность и целостность: таковы персонажи и образ автора, действия персонажей, события и положения, силы природы. Персонажи обладают интенсionalностью и характеризуются когнитивной деятельностью, что обеспечивает совершение ими действий в возможных мирах художественного текста, а также взаимодействие героев друг с другом. Цель высказывания рассматривается в научной парадигме лингвистики как интенция адресанта, на основании которой он получает возможность планирования взаимодействия с адресатом. Авторская интенсionalность, обнаруживая разнообразные связи с его намерениями, не только является элементом актуального смысла [2], но и формирует систему художественных смыслов. Авторская интенсionalность манифестирует авторские идеи на фоне других текстовых категорий (семантических, грамматических, онтологических).

Кроме того, интенсionalен и сам автор: причем если для него сам акт продуцирования текста и диалогизация художественной коммуникации являются свидетельством семиотизации возможного мира художественного текста, то для персонажей не только говорение, но и смена пространств, действия в одних и тех же пространственных координатах, а также «наполненность» пространств возможных миров различными предметными деталями имеют семиотический характер. Разумеется, лингвoseмиотический аспект функционирования возможных миров реализуется в художественном тексте двояко: как интенсionalность автора, направленная на координацию рецептивно-интерпретативной деятельности читателя, и как результат такой деятельности, допускающий варианты толкования знаков эстетического семиозиса по отношению к авторскому замыслу, и такие варианты зависят от читательской компетенции и адекватного постижения читателем смыслов художественного текста.

Так, например, в романе В. В. Орлова «Альтист Данилов» возможные миры представлены художественной реальностью, в целом напоминающей советскую действительность 1970-х гг., и миром фантастическим, который абсолютно свободно проникает в эту «реальность», но одновременно и отделен от нее определенными законами своего существования. Главный герой – демон, но только наполовину: «Отца Данилов не знал. Данилов был грудным ребенком, когда отца его за греховную земную любовь и за определенное своеобразие личных свойств навечно отослали на Юпитер. Там ему положили раздувать газовые бури. Да и мать Данилова тогда же и сгинула» [16, с. 35]. Маркерами художественного пространства здесь выступают лексемы и лексические сочетания *земную любовь, Юпитер, там*, при этом они мыслятся как экстенсionalы, авторская интенсionalность репрезентирована лексическими средствами – *греховную любовь, определенное своеобразие, навечно, отослали, положили раздувать*. Безусловно, приведенный контекст обнаруживает противопоставление Земли и Юпитера, в координатах которого перемещение главного героя ограничено лишь какое-то время (Данилов все же навестит своего отца, хотя ему это запрещено). Важно здесь отметить, что уже в самом экстенсionale образа главного героя заложено это двоемирие, принадлежность двум пространствам – Москве 1970-х гг. и вневременному трансцендентному миру, который, однако, имеет и характеристики земного существования, например: «вышло решение, среди многих прочих: Данилова как неполноценного демона отправить на вечное поселение, на Землю, в люди» [16, с. 40]. Высказывание «*вышло решение, среди многих прочих*» акцентирует внимание читателя на том, что и в фантастическом мире решения принимаются какими-то

неперсонифицированными силами, так как инициатива принятия решения, бесспорно, кому-то принадлежит, но этот субъект не назван, а лексическое сочетание *среди многих прочих* указывает на бюрократическое устройство фантастического мира, который имеет эксплицированное сходство с объективной действительностью.

Автор создает и такие сюжетные ситуации, которые фиксируют действие романа в пространственных координатах, отдаленных даже от самого фантастического мира, как происходит, например, в эпизоде дуэли Данилова и его лицейского приятеля Кармадона: «Поединки вот уж как семьдесят лет были запрещены, дуэлянтов строго наказывали, может быть, Кармадон в целях безопасности и затуманился? Однако в шесть часов он обязан был явиться к барьеру во плоти. Да и место они подыскали отдаленное, на самой окраине бесконечного мира» [16, с. 252]. Художественное пространство романа определяется как бесконечное, что маркировано высказыванием «*на самой окраине бесконечного мира*», но это пространство, тем не менее, становится плоскостью проекции мира земного (*поединки, дуэлянтов, строго наказывали, к барьеру*) и мира фантастического (*затуманился, явиться ... во плоти*).

Перемещение героев между возможными мирами художественного текста (фантастическим миром и миром, напоминающим читателю реальную действительность) в романе В. Орлова интенционально: Данилов и в пространстве Москвы оказывается, в силу своих демонических привилегий, в различных пространственных координатах, например: «Теперь Данилов бывает у Муравлевых не часто. А прежде по воскресеньям, если у него не было дневного спектакля, Данилов обедал у Муравлевых» [16, с. 5]; «Не бывает теперь Данилов и в собрании домовых. А раньше Данилов после спектаклей иногда приходил в дом с башенкой на Аргуновской улице, где по ночам, при жэке встречались останкинские домовые. Сам Данилов не домовый, но был прикреплен к домовым» [16, с. 9]; «И вот вернулся с ташкентских гастролей Данилов. Давно не был у домовых. Решил зайти» [16, с. 11]. В приведенных макроконтестах маркерами различных пространств являются лексемы и лексические сочетания *у Муравлевых, в собрании домовых, дом с башенкой, на Аргуновской улице, при жэке*; представлены также и маркеры действий, взаимодействия и событий: *бывает не часто, обедал у Муравлевых, был прикреплен к домовым, с ташкентских гастролей, решил зайти*.

Фантастический мир оказывает воздействие на героя, на его жизнь и судьбу, влияя на его эмоции и действия: «По дороге домой он несколько успокоился, люстра будто бы осталась в театре, хотя некой тенью с потушенными огнями она плыла над ним и в Останкино» [16, с. 564]. Очевидно, что в этом контексте интенционалом выступают как само взаимодействие Данилова с Девятью Слоями, так и репрезентация его эмоциональных реакций в пространстве «реального» возможного мира (*по дороге домой ... несколько успокоился, осталась в театре*).

Авторская интенциональность обуславливается диалогизацией художественной коммуникации. Иллюзия диалога с читателем создается посредством различных коммуникативных механизмов, однако все они в возможных мирах художественного текста семиотичны, т. е. результатом их являются семантически насыщенные эстетические знаки, релевантные художественной событийности и раскрытию характеров персонажей: «Данилову земной возраст определили в семь лет, и по людскому календарю в тысяча девятьсот сорок третьем году он был опущен в Москву в детский дом. Там очень скоро один из воспитателей обнаружил у Данилова недурной слух, и способного мальчика, худенького и робкого, взяли в музыкальную школу-интернат. Потом была консерватория, потом – оркестр на радио, потом – театр. Оттого, что за Даниловым вины никакой не было, а вся вина была на его отце, многие привилегии и возможности демона Данилову сохранили. Вот только летать в Девять Слоев Данилов имел право лишь изредка и ненадолго.

Да и то с особого разрешения. Данилова в Девяти Слоях еще узнавали, шепотом просили рассказать земные анекдоты, но для многих он был уже пришельцем из потустороннего мира, демоном с того света. У них во всех бумагах и разговорах Земля так и называлась – Тот Свет, а иногда и – Тот Еще Свет. Данилов теперь и был в ведении Канцелярии от Того Света» [16, с. 40]. Авторская интенциональность маркирована высказываниями, которые имеют оценочный характер и формируют эмоциональную реакцию читателя: «Оттого, что за Даниловым вины никакой не было, а вся вина была на его отца»; «вот только летать в Девять Слоев Данилов имел право лишь изредка и ненадолго»; «У них во всех бумагах и разговорах Земля так и называлась – Тот Свет, а иногда и – Тот Еще Свет». Значимо в этой связи и применение парцелляции – средства экспрессивного синтаксиса, позволяющего акцентировать авторскую интенциональность: «Вот только летать в Девять Слоев Данилов имел право лишь изредка и ненадолго. Да и то с особого разрешения».

В тексте романа В. Орлова также представлены такие макроконтексты, в которых обнаруживаются лексико-грамматические маркеры авторской интенциональности, как в следующем макроконтексте: «Данилов окончил лицей, и на него пришла заявка из Канцелярии от Улавливания Душ, из Управления Женских Грез. Однако его забрали во внутреннюю Канцелярию от Наслаждений и поручили устраивать фейерверки и аттракционы на ведомственных балах в Седьмом Слое Удовольствий. Должность выпала незначительная, но и она для Данилова была хороша. Он работал, играл на лютне и в ус не дул» [16, с. 39]. Авторская интенциональность реализована в приведенном контексте с помощью неопределенно-личных форм глаголов *его забрали ... поручили устраивать*, а также синтаксических конструкций, в которых не обозначен сам субъект действия: *пришла заявка, должность выпала*. Значимо здесь и употребление фразеологического сочетания *в ус не дул*, маркирующее авторское стремление к установлению диалога с читателем через известные фразеологизмы для целенаправленной эмоциональной реакции адресата на высказывание.

Значимая отсылка к обыденному опыту читателя представлена в следующем макроконтексте: «Средств и энергии в Колодце Ожидания было потрачено немало. Сколько там было толчеи жизни, сколько крушений миров галактик, неизвестных Данилову спиралей, сколько суетни сущностей вещей и явлений! Ему напоказывали всякой чепухи и всяких странностей, каких никогда не было в реальной жизни. Скажем, швыряние в пропасть казаком со спящим младенцем за спиной страшного мертвеца заимствовали у Николая Васильевича Гоголя. Интересно, читали ли сами исследователи «Страшную месть» или сведения о ней (возможно, искаженные: Карпатские горы были показаны Данилову довольно приблизительные) попали в их аппараты и камеры косвенным образом?» [16, с. 422]. Упомянув повесть Н. В. Гоголя «Страшная месть» (1831) из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», автор надеется на адекватную интерпретацию собственного замысла через фоновые знания и пресуппозиции читателя, что закономерно трансформирует фрагмент высказывания в эстетический знак, многоуровнево маркированный в художественном пространстве романа «Альтист Данилов». Также представляется весьма показательной отсылка к повести А. М. Горького «В людях» (1916), ко второй части знаменитой автобиографической трилогии, а также возникающая за счет таких читательских ассоциаций и знания социокультурного контекста дореволюционной России интерпретация устойчивого выражения *в люди*, приобретающая в контексте романа двойственную семантику (Данилов – демон только по отцу, отправлен и в люди, и к людям): «вышло решение, среди многих прочих: Данилова как неполноценного демона отправить на вечное поселение, на Землю, в люди» [16, с. 40].

Безусловно, в следующем макроконтексте: «И вот является на стол узбекский плов в огромной чаше, горячий, словно бы живой, рисинка от рисинки в нем отделились, мяса и жира в меру, черными капельками там и сям виднеется барбарис, доставленный из Ташкента,

и головки чеснока, сочные и сохранившие аромат, выглядывают из желтоватых россыпей риса. А дух какой! Такой дух, что и в кишлаках под Самаркандом понимающие люди наверняка теперь стоят лицом к Москве» [16, с. 7] – авторская интенциональность также определяется предполагаемым диалогом с читателем, опорой на его фоновые знания и обыденный опыт. Значимо здесь и упоминание Самарканда, которое в культурном сознании вызывает совершенно определенные ассоциации с архитектурными сооружениями этого, одного из самых древних, города (например, Мавзолей Гур-Эмир, Мавзолей и мечеть Биби-Ханым, медресе Улугбека, обсерватория Улугбека и др.), знаменитыми восточными базарами, кишлаками, арыками и в целом с теми пространственными маркерами и детализацией, которые являются результатом восприятия Востока европейцами. Автор также опирается на ассоциации читателя, обуславливаемые реакциями органов чувств, что становится значимой лингвосемиотической характеристикой художественной образности.

Выводы. Модус возможного и модусы действительного и необходимого противопоставлены в художественном тексте, что позволяет судить о выходе за пределы реальности в процессе создания возможных миров. Изучение пространства возможных миров перспективно не только в отношении установления пространственных координат сюжетного действия и событийности текста, но и в плане выявления специфики пространства авторской интенциональности и реализации художественного вымысла. В лингвосемиотическом аспекте функционирование возможных миров в их пространственной перспективе представляется двойственным: с позиций автора и читателя.

Анализ текстовых фрагментов из романа В. В. Орлова «Альтист Данилов», проведенный с позиций лингвосемиотики и художественной семантики, позволил установить пространственные маркеры, которые соотносят возможные миры этого художественного текста с художественной реальностью, по своим характеристикам близкой к советской действительности 1970-х гг., и с фантастическим миром, свободно проникающим в эту «реальность», но отделенным от нее и имеющим собственные онтологические закономерности. В анализируемом художественном тексте репрезентировано и художественное пространство, не коррелирующее с этими двумя возможными мирами. Семиотизация художественного пространства происходит также в зоне авторской интенциональности, обусловленной диалогизацией художественной коммуникации. Иллюзия диалога с читателем опосредована обращением автора к фоновым знаниям читателя, его культурному и обыденному опыту.

Пространство возможных миров воссоздается как в области экстенционалов, так и в сфере интенционалов художественного текста: пространственные координаты маркированы лексически, грамматически и синтаксически, при этом авторская интенциональность отличается более широким разнообразием применяемых средств. Представляя собой один из лингвосемиотических механизмов реализации художественного вымысла, пространство возможных миров в художественном тексте актуализировано в пределах разных элементов текстовой структуры – фантастических и условно реалистических, что определяет его эстетическую значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарев В. П.* Концепции современного естествознания. – М. : Альфа-М, 2003. – 464 с.
2. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
3. *Венедиктова Т. Д.* Остранение в составе эстетического опыта: к прагматике литературного стиля // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2022. – № 2. – С. 140–150.
4. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. – М. : Гнозис, 1994. – 520 с.
5. *Вострикова Е. В., Куслий П. С.* Сообщения о дизъюнктивных пропозициональных установках *de re* // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2022. – № 13(3). – С. 83–101.
6. Всемирная энциклопедия: философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М. : АСТ ; Минск : Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.

7. Гачев Г. Д. Наука и национальная культура. Гуманитарный комментарий к естествознанию. – Ростов-на-Дону : РГУ, 1993. – 320 с.
8. Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. – М. : ЛКИ, 2008. – 192 с.
9. Демьянков В. З. Суждения о возможном и о вероятном в различных культурах // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 4-3. – С. 312–322.
10. Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. – М. : Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 1998. – 383 с.
11. Келли Дж. Теория личности (теория личностных конструктов). – СПб. : Речь, 2000. – 249 с.
12. Клейменова В. Ю. Фикциональность и вымысел в тексте // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2011. – Вып. 143. – С. 94–102.
13. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
14. Левицкий А. Э., Никульшина Т. Н. Номинация онтологического пространства в русских и английских народных сказках: сопоставительный аспект // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 3. – С. 9–23.
15. Менделеев Д. И. С думою о благе российском: избранные экономические произведения. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 231 с.
16. Орлов В. В. Альтист Данилов : роман. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 608 с. (Серия «Русская классика XX века»).
17. Переверзев К. А. Пространства, ситуации, события, миры: к проблеме лингвистической онтологии // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. : Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 422 с.
18. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 8–43.
19. Скребецова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики. – СПб. : ИЛИ РАН, 2000. – 204 с.
20. Топоров В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия / под ред. С. А. Токарева. – М. : Большая Российская энциклопедия ; Олимп, 2000. – Т. 2. – 1392 с.
21. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике / Рос. Академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
22. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. – М. : Э, 2018. – 251 с.
23. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – 1977. – № 8. – С. 181–210.
24. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
25. Юсупов Х. У. Реалистичная антиутопия: к вопросу о передаче реалий вымышленного мира // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 2. – С. 44–51.
26. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб. : Симпозиум, 2005. – 502 с.
27. Эпштейн М. Н. Философия возможного. – СПб. : Алетейя, 2001. – 334 с.
28. Doležel L. Heterocosmica. Fiction and possible worlds. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1998. – 339 p.
29. Jucker A. H., Locher M. A. Introducing Pragmatics of Fiction: Approaches, trends and developments // Locher, Miriam A.; Jucker, Andreas H. Pragmatics of Fiction. – Berlin : De Gruyter, 2017. – P. 1–22. – DOI 10.1515/9783110431094-001.
30. Kajtár L. Fiction cannot be true // Philosophical Studies. – 2017. – Vol. 174. – P. 2167–2186.
31. Vernay J.-F. The Truth about Fiction as Possible Worlds // Journal of Language, Literature and Culture. – 2014. – Issue 2. – Vol. 61. – P. 133–141. – DOI 10.1179/2051285614Z.00000000035.

Статья поступила в редакцию 03.08.2023

REFERENCES

1. Bondarev V. P. Konceptii sovremennogo estestvoznaniya. – М. : Al'fa-M, 2003. – 464 s.
2. Bondarko A. V. Teoriya znacheniya v sisteme funkcional'noj grammatiki: na materiale russkogo yazyka. – М. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. – 736 s.
3. Venediktova T. D. Ostranenie v sostave esteticheskogo opyta: k pragmatike literaturnogo stilya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. – 2022. – № 2. – S. 140–150.
4. Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty. Ch. I. – М. : Gnozis, 1994. – 520 s.
5. Vostrikova E. V., Kuslij P. S. Soobshcheniya o diz'yunktivnyh propozitsional'nyh ustanovkakh de re // Slovo.ru: Baltijskij akcent. – 2022. – № 13(3). – S. 83–101.
6. Vsemirnaya enciklopediya: filosofiya / gl. nauch. red. i sost. A. A. Gricanov. – М. : AST ; Minsk : Harvest, Sovremennyy literator, 2001. – 1312 s.
7. Gachev G. D. Nauka i nacional'naya kul'tura. Gumanitarnyj kommentarij k estestvoznaniyu. – Rostov-na-Donu : RGU, 1993. – 320 s.

8. Gejzenberg V. Filosofskie problemy atomnoj fiziki. – M. : LKI, 2008. – 192 s.
9. Dem'yankov V. Z. Suzhdeniya o vozmozhnom i o veroyatnom v razlichnykh kul'turah // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. – 2022. – № 4-3. – S. 312–322.
10. Ivin A. A., Nikiforov A. L. Slovar' po logike. – M. : Gumanitar. izd. centr «VLADOS», 1998. – 383 s.
11. Kelli Dzh. Teoriya lichnosti (teoriya lichnostnykh konstruktov). – SPb. : Rech', 2000. – 249 s.
12. Klejmenova V. Yu. Fikcional'nost' i vymysel v tekste // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. – 2011. – Vyp. 143. – S. 94–102.
13. Kubryakova E. S. Kratkij slovar' kognitivnykh terminov / E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov, Yu. G. Pankrac, L. G. Luzina ; pod obshch. red. E. S. Kubryakovoj. – M. : Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. – 245 s.
14. Levickij A. E., Nikul'shina T. N. Nominaciya ontologicheskogo prostranstva v russkikh i anglijskikh narodnykh skazkah: sopostavitel'nyj aspekt // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2020. – № 3. – S. 9–23.
15. Mendeleev D. I. S dumoyu o blage rossijskom: izbrannye ekonomicheskie proizvedeniya. – Novosibirsk : Nauka. Sib. otd-nie, 1991. – 231 s.
16. Orlov V. V. Altist Danilov : roman. – M. : EKSMO-Press, 2000. – 608 s. (Seriya «Russkaya klassika XX veka»).
17. Pereverzev K. A. Prostranstva, situacii, sobytiya, miry: k probleme lingvisticheskoy ontologii // Logicheskij analiz yazyka. Yazyki prostranstv / otv. red. : N. D. Arutyunova, I. B. Levontina. – M. : Yazyki russkoj kul'tury, 2000. – 422 s.
18. Postovalova V. I. Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira. – M. : Nauka, 1988. – S. 8–43.
19. Skrebcova T. G. Amerikanskaya shkola kognitivnoj lingvistiki. – SPb. : ILI RAN, 2000. – 204 s.
20. Toporov V. N. Model' mira (mifopoeticheskaya) // Mify narodov mira: Enciklopediya / pod red. S. A. Tokareva. – M. : Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya ; Olimp, 2000. – T. 2. – 1392 s.
21. Uryson E. V. Problemy issledovaniya yazykovoj kartiny mira: analogiya v semantike / Ros. Akademiya nauk. In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – 224 s.
22. Festinger L. Teoriya kognitivnogo dissonansa. – M. : E, 2018. – 251 s.
23. Frege G. Smysl i denotat // Semiotika i informatika. – 1977. – № 8. – S. 181–210.
24. Shmelev A. D. Russkaya yazykovaya model' mira. Materialy k slovarju. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. – 224 s.
25. Yusupov H. U. Realistichnaya antiutopiya: k voprosu o peredache realij vymyshlennogo mira // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2022. – № 2. – S. 44–51.
26. Eko U. Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta. – SPb. : Simpozium, 2005. – 502 s.
27. Epshtejn M. N. Filosofiya vozmozhnogo. – SPb. : Aletejya, 2001. – 334 s.
28. Doležel L. Heterocosmica. Fiction and possible worlds. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1998. – 339 p.
29. Jucker A. H., Locher M. A. Introducing Pragmatics of Fiction: Approaches, trends and developments // Locher, Miriam A.; Jucker, Andreas H. Pragmatics of Fiction. – Berlin : De Gruyter, 2017. – P. 1–22. – DOI 10.1515/9783110431094-001.
30. Kajtár L. Fiction cannot be true // Philosophical Studies. – 2017. – Vol. 174. – P. 2167–2186.
31. Vernay J.-F. The Truth about Fiction as Possible Worlds // Journal of Language, Literature and Culture. – 2014. – Issue 2. – Vol. 61. – P. 133–141. – DOI 10.1179/2051285614Z.00000000035.

The article was contributed on August 3, 2023

Сведения об авторе

Дзюбенко Анна Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-3228-4277>, aidzyubenko@sfedu.ru

Author Information

Dzyubenko, Anna Igorevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Intercultural Communication and Methods of Teaching of Foreign Languages, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-3228-4277>, aidzyubenko@sfedu.ru